

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

*Окончен день, и умолкают стоны,
Покой при догорающем огне.
Прижатые у горла стыннут пальцы,
И поцелуй несет тебе земля.
Проснешься завтра или никогда;
Ничто тебя не слышит в темноте¹.*

Это написал Джон М. Форд. Это последний станс секстины, стихотворной формы, состоящей из шести стансов по шесть строк; во всех стансах повторяются одни и те же рифмы, но в разном, строго предписанном порядке. Форд написал секстину, вдохновленный какой-то фразой из моего «Песочного человека» — жемчужина, отыскавшаяся в мейле, написанном по совершенно другому поводу.

II

Джона М. Форда друзья звали Майком, и я, по счастью, мог считать себя его другом.

Майк Форд был похож на добродушного весельчака. С возрастом его брови разрослись, будто усики насекомого, нащупывающего бесконечность. Он был человеком с мягкими манерами, как обычно говорят о репортерах, которые на самом деле Супермены, и это описание ему очень подходило, ведь все его друзья и без того подозревали, что втайне он если и не Супермен, то какая-то особая разновидность человека, намного умнее и мудрее обычных людей.

¹ Здесь и далее стихи в переводе Н. Герн.

Майк умер в одиночестве, от внезапного инфаркта, в 2006 году. Его смерть стала невероятным потрясением. Ему было всего сорок девять. Казалось, у него еще все впереди.

Он передавал мне «Аспекты» по главам в течение нескольких лет; при каждой встрече либо вручал мне распечатку очередного отрывка, либо извинялся за свою медлительность (причины были уважительными, например пересадка почки) и обещал передать очередную главу в следующий раз.

Майк умер четырнадцать лет назад. Мне очень не хочется писать это предисловие, ведь взяться за него значит признать два факта, в которые инстинктивно отказываешься верить.

Во-первых, что Майк действительно умер, окончательно и бесповоротно; а во-вторых, что его последний роман, «Аспекты», так и останется неоконченным.

Да, знаю, это магическое мышление, и все равно я верю, что пока предисловие не дописано, пока неоконченная рукопись «Аспектов» не опубликована, факты могут оказаться ошибкой.

В глубине души я знаю — так же твердо, как знаю, что завтра снова взойдет солнце, — что совсем скоро мне предстоит автограф-сессия в магазине «Дримхейвен букс» в миннеаполисовском районе Динкитаун, и примерно за полчаса до окончания туда придет Майк, пороеется на книжных полках, побеседует с людьми, а потом, когда сессия закончится, мы с ним отправимся куда-нибудь поужинать (скорее всего суши) и побеседуем, причем говорить будет в основном Майк (за что я ему безмерно признателен), а под конец он вытащит из кармана пиджака последние главы «Аспектов», и я с благодарностью возьму их и подвезу его до дома, который служит ему офисом и где по рельсам, проложенным вдоль стен, бегают игрушечный паровозик.

За ужином я многое для себя открою. Я учусь задавать вопросы, потому что в ответ Майк объясняет мне то, чего я не знаю. Он очень эрудированный собеседник и в разговоре плавно переходит от высоких жанров к низким. Он способен переключиться с обсуждения кино и телевидения на Марло и Шекспира, а вдобавок совершить краткий экскурс в квантовую физику или малоизвестную экономическую теорию, и все это в пределах развития одной мысли. Может быть, он мельком вспомнит какой-нибудь интересный случай из своей биографии, и мне посчастливится услышать рассказ о том, как Майка в юности пытались завербовать спецслужбы, считая его вундеркиндом...

Он рассказывает только о тех эпизодах своей жизни, которые считает возможным упомянуть в разговоре с конкретным собеседником. Обо всем остальном он говорит уклончиво и туманно.

Но книжный магазин «Дримхейвен букс» давно переехал из Динкитауна, я давно уже не провожу автограф-сессий, а вдобавок сейчас, когда я пишу эти строки, в мире свирепствует ковид — и я необъяснимым образом волнуюсь за Майка Форда, у него всегда было слабое здоровье и поэтому ему необходима самоизоляция. (Он умер, напоминаю я себе, ему не нужна самоизоляция, он ни от кого и ничем не заразится... но я все равно волнуюсь.)

Если честно, я вполне рационально отношусь к смерти других моих друзей. Я горюю, смиряюсь и привыкаю, что их нет. Мне грустно, что с ними больше не поговоришь, но я не ощущаю их присутствия. А вот Майк словно бы вышел из комнаты на полуслове, и я все время жду, что он вот-вот вернется. Карло Ровелли¹, физик-теоретик и автор нескольких книг, рассказывает: Эйнштейн в письме к жене покойного коллеги уверял, что ее муж не прекратил существование, что он все еще живет и работает, но в прошлом, куда ей нет доступа. (Действительно, как сказал Л. П. Хартли², прошлое — это другая страна. Вот только нам в нее не попасть. Ее жители не умерли — они живут там, в своей стране, но не могут ее покинуть и приехать к нам. Границы закрыты.)

Иногда я перечитываю мейлы, которые Майк посылал мне, хотя вообще-то никогда не перечитываю старую переписку. Но никто из моих корреспондентов не мог, заметив опечатку в приглашении на вечеринку у костра, сделать из этого пьесу в стихах, а потом, как бы между прочим, собрать труппу талантливых людей и пьесу эту поставить. А Майк так и поступил.

Ну вот. Я прервал работу над предисловием и перечитал все сохранившиеся письма от Майка, после чего заглянул в YouTube,

¹ Карло Ровелли (р. 1956) — итальянский американский ученый, специалист в области квантовой гравитации, историк и философ, автор ряда научно-популярных книг; на русском опубликованы «Семь этюдов по физике», «Срок времени», «Нереальная реальность: путешествие по квантовой петле», «Краткая теория времени» (*здесь и далее прим. перев.*).

² Лесли Поулз Хартли (1895—1972) — английский писатель, мастер жанра «история с привидениями»; «Прошлое — это другая страна; там все иначе» — цитата из романа «Посредник» (1953), пер. М. Загота.

чтобы посмотреть последние две минуты телесериала «Заключенный» — мне захотелось ответить на какое-то замечание Майка и надо было освежить кадры в памяти...

И тут я снова вспомнил, и всегда вспоминаю, что ответить ему я больше не могу. Зато я отыскал секстину, которую он мне прислал, вдохновленный строкой из «Песочного человека», и мне показалось, что последний станс очень подходит для начала этого предисловия. Вот так.

III

В юности я мечтал стать молодым талантливым автором. Тем, кто еще в двадцать с небольшим напишет свой первый великий роман. Мои мечты не сбылись, но это даже к лучшему, ведь мне нечего было сказать.

А Майку было что сказать. Он и говорил. Ему было семнадцать, когда опубликовали его первые рассказы и стихотворения, и двадцать два, когда вышел его первый роман, «Сеть ангелов». Этот протокиберпанковский роман, в котором существует вполне убедительная киберсеть, увидел свет в 1980 году, за четыре года до «Нейроманта» Уильяма Гибсона.

Я познакомился с Майком Фордом — кстати, инициал М. означает Майло, а не Майкл — в Бирмингеме, в 1984 году, на конвенте. Он прекрасно шутил, но не так, как обычно шутят писатели. Он произносил отточенную остроту, ироничное замечание или хлесткую реплику в самый нужный момент (в отличие от меня), а не две недели спустя. Говорил он тихо, не уязвляя собеседника и не перехватывая лидерство в разговоре, но делал это с виртуозностью первоклассного комика. Мы подружились. Вскоре после нашего знакомства, в том же 1984 году, Майк стал лауреатом Всемирной премии фэнтези за свой роман «Дракон не дремлет» (в книге нет никаких драконов, точнее, дракон в названии — это символ Уэльса).

Всякий раз, когда Майк приезжал в Великобританию — обычно в августе, на фестиваль фолк-рок-музыки «Фэйрпорт Кропреди конвеншн», — мы встречались за обедом или за ужином, беседовали, и я многому учился.

Мы начали переписываться еще в то время, когда существовали пишущие машинки, почтовые марки и авиапочта. В одном из писем Майк объяснил мне, как писать секстины, составив само письмо в форме секстины.

Он писал гениально, для читателей, которых считал такими же гениальными, как и он сам.

После романа «Дракон не дремлет» Майк опубликовал две книги в межавторском цикле «Звездный путь» — «The Final Reflection», об опыте первого контакта клингонов, и «Сколько за планету?», музыкальный фарс под видом научно-фантастического романа. Среди персонажей романа выведен и я, под анаграмматическим псевдонимом. Мой персонаж исполняет, как мне кажется, лучшую песню в книге.

Когда я решил переехать в США, то выбрал Миннеаполис в значительной мере потому, что там жил Майк.

Он был моим лучшим читателем. У каждого автора есть лучший читатель или надежда его отыскать. Это ваш знакомый, который прочтет вашу книгу и поймет, о чем она и что именно вы хотели сказать, а еще отметит все ваши недочеты и сжато, но точно объяснит, как их исправить.

IV

Как я уже упоминал, главы «Аспектов» я читал по мере их написания. Майк всегда лично вручал мне рукопись, как бы между прочим, и всякий раз настаивал, что знакомиться с ней совершенно необязательно, а еще выражал надежду, что я не расстроюсь из-за допущенных им ошибок. Ни одной ошибки я так и не заметил. Может, их и вовсе там нет.

А книга мне очень понравилась.

Она начинается с дуэли и, как я думал, читая первую главу, действие происходит лет 150 тому назад где-то в Европе, в каком-то воображаемом месте наподобие того, о котором писал Аврам Дэвидсон¹. Но по мере чтения оказалось, что это совсем другое.

Возникало ощущение, что Майк создает что-то новое в фэнтези, где ничего нового просто не бывает. Примерно такой была бы «Игра престолов», если бы ее автор обожал поезда и железные дороги. Действие происходит в месте, которое напоминает Европу XIX века примерно в той же степени, в какой Вестерос напоминает Британию XV века. Речь в романе идет, как мне представлялось, о политике и общении, о магии, об искуплении и о том, какие формы при-

¹ Имеется в виду трилогия американского писателя Аврама Дэвидсона (1923—1993) «Маг Вергилий».

нимает любовь. По виду он похож сам на себя, как говорил Марк Антоний о крокодиле, а слезы у него мокрые¹.

У меня сразу же возникло множество вопросов к Майку — о персонажах, о месте действия, о том, чем эти люди похожи на нас и чем от нас отличаются. В этом романе о жизни и о любви, о поездках, о правительстве и о смерти есть и элементы научной фантастики, и хорошо прописанное устройство альтернативного мира.

Тогда я решил, что дождусь последней главы и задам Майку все свои вопросы после того, как дочитаю роман до конца.

И лишь потом, когда выяснилось, что последней главы не будет, я сообразил, что надо было задавать вопросы по мере их возникновения. Майк всегда с удовольствием отвечал на мои вопросы.

V

Майк умер четырнадцать лет назад. Одиннадцать лет назад я дал согласие написать это предисловие, а год назад должен был отправить его редактору.

Я берусь за предисловие, но тут же робею, как пугливый жеребенок, и переключаюсь на что-нибудь другое. Часто это другое непосредственно связано с «Аспектами» — я перечитываю старые мейлы Майка или саму книгу. Хоть она и не окончена, в ней есть почти все. Финал и продолжение можно вообразить...

Может быть, меня сдерживает внутреннее убеждение, что если я хорошо напишу это предисловие, то оно не понадобится. Мы перейдем на другие рельсы и окажемся в другой реальности, где Майк закончил эту книгу и написал остальные романы в задуманной им серии «Аспекты».

Увы, как бы хорошо я ни писал, Майк умер и живет в своей стране, в прошлом. А эта книга — то, что он нам оставил.

*Нил Гейман
Апрель 2021*

¹ Уильям Шекспир, «Антоний и Клеопатра», акт II, сцена 7 (пер. М. Донского).

АСПЕКТЫ

I

ОСЕННИЕ ИГРЫ

*Опав, безмолвно листья улеглись,
Пока под чьим-то шагом прошуршат.
Письмо назад мою вернуло мысль —
Бумаги хрупкость, букв изящных ряд.*

*Иной сезон иные изберут,
Туман весны, июльский ветерок,
Степенный зимний холод и уют,
Кто выбрал все, но удержать не смог.*

*Но в письмах, среди умственных забав,
Мы длили осень и ее устав.
Вот в мыслях снова осень, снова ты,*

*Как лета запоздавшего тепло,
Как яркие осенние листья,
И это тоже ветром унесло.*

Г Л А В А 1

ГОРОД И ОДИНОЧЕСТВО

Говорят, если человек собирается умереть, то лучше умирать утром, когда день нов, чист и полон вопросов, на которые невозможно ответить, когда солнце только встало, чтобы пролить свет на все ночные дела. А еще говорят, если человек собирается умереть, обстоятельства его смерти не имеют значения.

На это утро, в мерклень, в Листуреле, столице республики Лескория, в двадцать пятый день месяца Пастыря, за три дня до начала праздника Равноденствия, то есть за шесть дней до собственно осеннего равноденствия, была назначена дозволенная законом дуэль. Она должна была начаться ровно в семь утра, и максимум к половине восьмого тот, кто придерживался определенных воззрений на утро и на смерть, убьет того, чьи воззрения были иными.

Утро выдалось ненастным, похолодало на месяц раньше, а с эстуария налетал ветер, хлесткий, как пощечина. Небо выглядело комковатым и каким-то скисшим, а вдобавок еще и закопченным, ведь из-за промозглой погоды каминные дымоходы затопили прежде, чем их хорошенько прочистили; пахло креозотом, к вечеру неминуемо загорится сажа в трубах, а цена мытого угля на городской бирже впервые за долгие годы превысила две золотые марки за телегу.

Потускневший золоченый купол листурельского кафедрального собора больше напоминал старую медь, медный купол Национальной галереи позеленел, будто от плесени, а стеклянные